

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 153

А.В. ЮРАКОВ

**РЕСУРСЫ
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В БАШКОРТОСТАНЕ**

Российская
академия наук
2005 г.
Общественный
фонд

Москва
2002

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 153

А.В. ЮРАКОВ

**РЕСУРСЫ
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В БАШКОРТОСТАНЕ**

**Москва
2002**

ISBN 5-201-13758-x (14)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 153.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с
позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 153

А.В. ЮРАКОВ

**РЕСУРСЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ В БАШКОРТОСТАНЕ**

Об авторе

Алексей Вячеславович Юраков – аспирант Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Основные профессиональные интересы: этнополитические процессы в республиках Урало-Поволжья, изучение этнической толерантности, история, культура и современные этнические процессы среди тюркских народов Урало-Поволжья. Принимал участие в этносоциологических исследованиях ЦИМО в Башкортостане.

About the Author

YURAKOV, ALEXEI V.

Post-graduate student, Center of Interethnic Relations, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: ethno-political processes in the republics of the Volga-Ural region; ethnic tolerance; history, culture and contemporary ethnic processes among the Turkic peoples in the Volga-Ural region. Field work in Bashkortostan.

Summary

YURAKOV A. RESOURCES OF ETHNIC TOLERANCE IN BASHKORTOSTAN.

The author presents his ideas concerning the formation of tolerance in interethnic relations in Bashkortostan. He attempts to reveal some of the factors that influence the level of tolerance and determine the forms of its manifestation. The paper is based on the author's field-work and on representative ethnosociological surveys conducted by the Center of Interethnic Relations (1993-1997).

In the changing context of Russian reality, ethnic tolerance is a burning issue. Tolerance is a situational phenomenon deeply entrenched in objective ethnopolitical, ethnocultural and socioeconomic processes. Its study is of special interest for complex multiethnic societies with different models of interrelations of ethnic groups.

Неоднозначные процессы суверенизации регионов и этногрупповой мобилизации в России актуализируют изучение феномена межэтнической толерантности. При этом особый интерес представляет ситуация в Башкортостане – республике, которая по индексу этнической мозаичности среди регионов РФ уступает лишь Дагестану¹.

По плану научного проекта «Насилие и толерантность в системе этничности» как составной части программы ЦИМО ИЭА РАН «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций»² автором в октябре 2001 г. был проведён этносоциологический опрос по теме: «Формирование и проявление толерантности в межэтническом общении» с целью выявить и проанализировать представления о факторах, формах существования и степени толерантности в контактах между представителями русских, татар, башкир. Опрос носил пилотажный характер и осуществлялся по методу случайной выборки³. В анкету были включены вопросы из ранее проведённых представительных исследований в Башкортостане по проектам «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (апрель 1993 г.)⁴ и «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность» (август 1995 г.)^{*} и несколько новых вопросов, разработанных автором.

На основе полученных данных, а также материалов других, вызывающих доверие исследований, проводившихся в РБ в 1993-1997 гг., с использованием научных публикаций, посвящённых различным аспектам этнополитической жизни республики⁵, ниже делается попытка проанализировать атмосферу межэтнических отношений в Башкортостане. Хотя выводы

данного исследования не могут быть экстраполированы на всё население республики, представляется важным обсудить вероятные модели взаимоотношений этнических групп, реализующиеся в системе позитивных и негативных общественных стереотипов. Для достижения этого, прежде всего, потребовалось определить типы этнической толерантности/интолерантности респондентов с учётом частоты и характера взаимодействия с представителями других этнических групп. При этом этническая толерантность понимается нами не просто как отсутствие негативного, а скорее как наличие позитивного или нейтрального отношения к иной этнической группе, т.е. как готовность контактировать с представителями этой группы такими, какие они есть, при сохранении, однако, позитивного отношения к своей группе. Под этнической интолерантностью подразумевается преобладание негативного восприятия представителей иной этнической культуры при безусловно позитивном восприятии собственной⁶. Проявлением интолерантности при таком подходе можно считать и выраженные «этнонигилистские» тенденции – негативное отношение к своей этнической группе, отрицание этничности вообще, вплоть до квалифицирования её как вредного явления.

Респондентам предлагалось оценить своё участие в межэтнических контактах. Позитивное отношение определялось формулой: «Готов контактировать с представителями любого народа, несмотря на существующие этнокультурные различия», негативное – «Стараюсь избегать и в целом неодобрительно отношусь к общению с представителями других национальностей». Индифферентная позиция выражалась так: «Обычно мне всё равно, с кем общаться, специально не избегаю, но

* Авторы проектов: Д. Хафф, Д. Лейтин, С. Лейманн, руководители исследований в РБ: М.Н. Губогло, Р.Г. Кузеев.

и не стремлюсь искать контактов с представителями других национальностей». Предполагалось выявить следующие типы отношений в системе индивид – группа:

1) активная толерантность (открытость, готовность к межэтническим контактам);

2) пассивная толерантность (нерегулярность межэтнических контактов, склонность общаться с представителями своей национальности при сохранении позитивного отношения к представителям иноэтнических групп);

3) толерантность избирательная (межэтнические контакты носят ограниченный характер по какому-либо признаку – языку, религиозной принадлежности, культурным особенностям);

4) толерантность вынужденная (межэтнические контакты возникают под давлением обстоятельств и носят сугубо деловой характер, например, по служебной линии);

5) интолерантность (категорическое нежелание взаимодействовать с людьми другой культуры).

При разработке данной типологии мы основывались на исследованиях Л.М. Дробжевой⁷, Г.У. Солдатовой⁸, посвящённых анализу типов этнической идентичности. В частности, выделяемый нами тип активной толерантности соответствует позитивной идентичности*, пассивная (а также избирательная и вынужденная) толерантность в межэтническом общении может соответствовать как позитивной (нормальной), так и этноцентричной идентичности (т.е. могут присутствовать элементы неагрессивного этноизоляционизма, сочетание предпочтения своей группы и прояв-

лений замкнутости). В свою очередь интолерантный тип, по-видимому, совпадает с формами этноцентризма, этнодоминирующей идентичностью (достижение целей, интересов народа воспринимается как безусловно доминирующая ценность) и этническим фанатизмом (доминирование этнических интересов и целей, которое сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы), этнонигилизмом и проч. Тем не менее, не стоит связывать тенденции формирования этнической толерантности или интолерантности только лишь с каким-либо одним типом этнической идентичности.

Вторая задача исследования направлена на то, чтобы проанализировать установки респондентов (русских, татар, башкир) на межэтническое общение в конкретных ситуациях. На основе полученных данных предложена оригинальная гипотеза о том, что лица, для которых характерен, например, тип пассивной толерантности, как и представители интолерантного типа, проявляют большую избирательность в межэтнических контактах, нежели те, кто отнесён к типу активной толерантности.

Кроме того, вызывает интерес состояние этнического самосознания респондентов, их самоидентификация, а также то, как повышение (или наоборот понижение) значимости для них чувства этнической принадлежности отражается на формировании толерантных или интолерантных представлений в отношении лиц других национальностей.

Проблемы терминологии

Существуют разные интерпретации понятия «межэтническая толерантность». Чаще всего под этим подразумевают индифферентность к этническим различиям, по-

* Исследованиями Н.М. Лебедевой установлено, что между позитивной этнической идентичностью (по отношению к своей и другим группам) и этнической толерантностью существует тесная корреляционная зависимость, имеющая характер социально-психологического закона⁹.

зицию самоограничения и намеренного невмешательства¹⁰, да и просто терпение. Кроме того, имеет место понимание толерантности как стремления к взаимодействию на принципах равноправия и согласия¹¹. Всё это, разумеется, свидетельствует о неустоявшейся терминологии, тем более что термин «толерантность», как и само понятие, заимствованы из западной (главным образом англоязычной) литературы без должного этимологического анализа своего содержания.

Данное понятие, образованное от латинского «tolerantia», активно использовалось в период Возрождения, когда оно рассматривалось, главным образом, как веротерпимость, а позже стало обозначать «уважительное отношение к человеку вообще, к мнению другого, к чужим обычаям»¹², со временем прочно войдя во все европейские языки. В русском языке аналогом латинского «tolerantia» является существительное «терпение», эквивалентом английских «tolerance», «toleration» выступает «терпимость». В связи с этим толерантность определяется, в частности, как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению»¹³, «особое умонастроение, жизненно-психологическая установка», которая позволяет ценить другое национальное «они» равнозначно собственному «мы»¹⁴, «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию»¹⁵. О толерантности как общечеловеческой ценности и добродетели, ориентирующейся на свободу и справедливость, писали французские философы-гуманисты.

В современной этнопсихологии формирование этнической толерантности/интолерантности связывается с изучением процесса аккультурации. Здесь необходи-

мо подчеркнуть, что аккультурация означает взаимоприспособление, адаптацию, а этническая толерантность, а также сопутствующая ей позитивная этническая идентичность, являются «социально-психологическими показателями успешной аккультурации на психологическом уровне»¹⁶. Из сказанного можно сделать вывод, что уверенность в своей собственной позитивной идентичности, уважение к собственной культуре и готовность к взаимодействию с представителями других групп, способность к адаптации есть необходимое условие достижения межэтнической толерантности.

Надо подчеркнуть, что сама по себе постановка вопроса о проблеме толерантности, определении данного понятия имеет и прикладное, и теоретическое, и даже политическое значение, т.к. под призывами к толерантности, особенно в среде недоминирующих групп, среди представителей титульного населения республик, нередко воспринимается стремление стимулировать «терпение», «терпеливость» к политике Центра, доминирующего большинства, «стремление забыть о потребностях народов» и т.д.¹⁷. Поэтому, на наш взгляд, в межэтнических отношениях сегодня политика толерантности должна быть построена не на основе терпения, а на принципе терпимости. В отличие от терпения терпимость не несёт оттенка самоущемления, самобичевания, а «заключает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования и насилия»¹⁸, т.е. предполагает в отношениях между сторонами обоюдное позитивное взаимодействие на конструктивной основе.

Итак, толерантность – это терпимость, которая по своему содержанию в современных обстоятельствах скорее должна быть изначальной основой взаимопони-

мания, солидарности, а не проявлением долготерпения и страдания. В связи с этим считают, что толерантность «это не просто пассивная терпимость, она предполагает активную позицию всех заинтересованных сторон, но одновременно и отказ от навязывания своей точки зрения одной из сторон»¹⁹. Кроме того, толерантность прямо противоположна по своему значению интолерантности, предполагающей проявление различных форм нетерпимости (от дистанцированности на бытовом уровне до применения насилия вплоть до геноцида). Вероятно, в такой парадигме толерантности может быть выполнена её цель – «достижение межнационального примирения политическими средствами, снятие негативных тенденций в сфере национальных отношений»²⁰, однако не только в условиях постконфликтной ситуации, но и в процессе всего межэтнического взаимодействия через развитие межкультурных контактов, при этом признавая и уважая существование иного. Вместе с тем, вряд ли сегодня можно говорить о каких-либо единых границах, пределах толерантности, поскольку она проявляется в конкретных историко-культурных и политических ситуациях, причём в одной социокультурной среде приемлемым может быть то, что в иных условиях становится неприемлемым. Многое здесь зависит также и от лиц, контактирующих в той или иной ситуации.

Поскольку в своей основе толерантность предполагает внутреннее преодоление нетерпимости, неприятия иного, она в свою очередь является необходимой основой существования этнического разнообразия и подразумевает разрешение возникающих межэтнических противоречий через готовность к диалогу, компромиссу, равноправию. В связи с этим возникает вопрос о различиях, формах соотношения

толерантности и интернационализма, т.к. если раньше воспитывалось чувство интернационализма (в значительной степени идеологизированное), то теперь слышны призывы к достижению толерантности и солидарности в многонациональном обществе.

Сам термин «интернационализм» был предложен в 1780 г. английским философом И. Бентамом. Принято различать три формы существования интернационализма: буржуазный, демократический и пролетарский, хотя последний сейчас находится в кризисе²¹. Вне идеологизированных социально-классовых рамок под интернационализмом понимается «международная солидарность людей различных наций и рас, основа их взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий»²². В настоящий момент в интернационализме нередко видят только лишь проявление денационализации, воспринимая его как средство нивелирования этнических различий. Таким образом, хотя и интернационализм, и толерантность направлены на достижение общечеловеческих целей, различия между данными категориями, вероятно, всё же присутствуют.

Толерантность, прежде всего, ориентирована на взаимоуважительные отношения граждан, на сохранение этнического и культурного разнообразия. Она выступает как приемлемая основа урегулирования социальных и межэтнических конфликтов, снятия напряжённости и достижения взаимоуважения интересов и ценностей всех этносов. Кроме того, в процессе поиска путей примирения и согласия толерантность предполагает «готовность сторон идти на взаимные уступки и самоограничения в сферах, где затрагиваются интересы разных групп и сторон»²³. В то же время интернационализм, по сути, представляет собой аналог понятия «со-

лидарность», определяемого как «готовность к совместному или автономному решению задач во имя достижения общей цели»²⁴. Иначе говоря, интернационализм подразумевает наличие высокой степени толерантности и доверительности, позиции более активного взаимодействия, межнациональной интеграции, где нет места проявлению самоограничения в какой бы то ни было форме. Второе отличие видится в том, что роль этнического фактора в данной парадигме отнюдь не является основной, а скорее представляется второстепенной. Так, если этническая толерантность имеет целью сохранение этнического разнообразия на принципах терпимости, то интернационализм, прежде всего, провозглашает достижение в различных формах международной солидарности, приоритет единства над разнообразием.

Разумеется, взгляды на соотношение «интернационализма», «толерантности» и «солидарности» зависят от того, в каком ключе рассматривать данные категории. Наша же задача заключается в том, чтобы показать ту неоднозначность, которая возникла в дискурсе термина «толерантность», а также определить то место, которое занимает данная категория в проблематике изучения межэтнических отношений.

Формирование типов этнической толерантности и интолерантности

Для обоснования некоторых теоретических выводов в данной работе, результаты пилотажного опроса с точки зрения изучения формирования и проявления толерантности имеет смысл рассмотреть в сравнении между респондентами русскими, татарами, башкирами г. Давлеканово, Давлекановского р-на, ЦЭИ УНЦ РАН, с

одной стороны, и студентами тех же национальностей г. Уфы – с другой, т.е. между группами студентов и не студентов (состав респондентов указан в примечаниях). Следует подчеркнуть, что выбор места проведения опроса был не случаен, т.к. Давлекановский р-н и райцентр г. Давлеканово отличаются высокой степенью полиэтничности. Здесь ни одна из этнических групп абсолютно не преобладает, наибольшую же долю в населении составляют русские – 37,0 % в районе, 50,4 % в г. Давлеканово²⁵.

Являясь частью Западной Башкирии, данная территория издавна была этноконтактной зоной, население которой формировалось из различных этнических компонентов: дёмских башкир, мишарей, тептярей, казанских татар и т.д. Со второй половины XVI в. (после того, как в 1557 г. Башкирия стала частью Российского государства) на этих землях появились первые русские переселенцы, дворцовые крестьяне из Казанского уезда и Кунгурского края. В настоящее время помимо русских, татар, башкир здесь проживают также украинцы, чуваша, мордва, немцы и др. При этом для большей части опрошенных этничность не имеет особого значения, абсолютно преобладает тип активной толерантности. Показателен в связи с этим тот факт, что многие интервьюируемые в бытовом общении не делают различий, кто из них татарин, а кто башкир, что можно объяснить длительностью совместного проживания, широким распространением межнациональных браков, культурной и языковой близостью, двойственностью самосознания. В подобной ситуации нередко вообще снимается вопрос об этнической принадлежности, «который в глазах населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение»²⁶. Опре-

делённая же часть украинцев, мордвы в силу совпадения своих социально-культурных интересов подчас отождествляет себя с русскими.

Данные обстоятельства отразились на результатах исследования, показавших, что большинство респондентов, проинтервьюированных в г. Давлеканово, Давлекановском р-не, ЦЭИ УНЦ РАН, независимо от их этнической принадлежности, по своим установкам склонилось к типу активной толерантности, т.е. обнаружило высокую степень готовности к межэтническим контактам (почти три четверти русских, две трети татар, чуть более половины башкир). В студенческой среде доля лиц, отнёсших себя к выделяемым нами типам активной и пассивной толерантности, оказалась примерно одинаковой (представителей типов толерантности избирательной и вынужденной зафиксировать не удалось, вероятно, отчасти потому, что данные типы носят переходный характер). Кроме того, среди опрошенных студентов имеется небольшая группа лиц, относимых изначально по своим установкам к интолерантному типу (одна десятая часть опрошенных). Таким образом, имеются основания думать, что в психологическом плане студенты менее толерантны, чем не студенты (жители г. Давлеканово, Давлекановского р-на, сотрудники ЦЭИ УНЦ РАН). Следовательно, можно сделать предварительный вывод, подтверждённый исследованиями по шкалам социальной дистанции, что для студенческой молодёжи характерно чётко выраженное предпочтение в общении с представителями своей этнической группы. Вероятно, не последнюю роль в студенческой среде играет недостаточный опыт совместного проживания с представителями других национальностей, слабая информированность об их истории и культуре.

Результаты исследования также показали, что степень распространенности типов формирования этнической толерантности и интолерантности у респондентов связана с национальным (этническим) составом семей, в которых они родились. Потомки от национально-смешанных браков в большинстве своём продемонстрировали тип активной толерантности. В то же время лица пассивной толерантности (анализ типов был приведён выше), а тем более проявившие интолерантные установки, родились преимущественно в моноэтнических семьях.

Толерантность и этнополитические взгляды населения Башкортостана

За прошедшее десятилетие в Башкортостане неоднократно проводились исследования по анализу этнополитической ситуации²⁷. Распад Советского Союза, деятельность национальных движений, процессы суверенизации в бывших автономных республиках не прошли бесследно для общественного сознания, трансформировав его в той или иной степени. Одним из индикаторов подобной трансформации можно считать вопрос: «Представителем какой государственности Вы себя считаете?», использовавшийся в инструментарии массовых этносоциологических исследований 1993 и 1995 гг. и включённый в наш опросный лист. Выбор гражданства является своего рода зеркальным отражением тех этнополитических процессов, которые идут в регионе. Нельзя при этом не согласиться, что данный фактор нередко «буквально “раскалывает” население не только по межэтнической, но и внутриэтнической осям»²⁸. Разумеется, мы не вправе адекватно сопоставлять данные

массовых опросов с нашими результатами. Мы не абсолютизируем это сопоставление, тем не менее, возможно, хотя и условно, с большой степенью осторожности, без однозначной привязки к полученным нами процентным распределениям по тем или иным вопросам зафиксировать некоторые явления, попытаться выделить основные векторы развития современной ситуации.

Тем более, что полученные результаты совпадают с итогами проведённых ранее исследований: по сравнению с русскими среди татар и башкир выше доля лиц, осознающих себя скорее гражданами Башкортостана, нежели россиянами, т.е. глубже выражена региональная, республиканская, самоидентификация. Наиболее явно это проявляется у башкир (треть опрошенных), что, вне всякого сомнения, связано с процессами суверенизации в республике. Одновременно пилотажный опрос показал, что преобладающее число респондентов, как среди русских, так и среди татар и башкир, считают себя в равной степени и россиянами, и башкортостанцами. По данным же исследования 1995 г., большая часть башкирского (72,0 %) и татарского (44,1 %) населения республики считали себя скорее гражданами РБ, чем России²⁹. С большой долей условности можно предположить, что данное различие обусловлено сложившейся с приходом к власти В. Путина новой общественно-политической ситуацией в России, направленной на усиление роли Центра в жизни государства.

С другой стороны, более половины русских студентов (60,5 %) видят себя либо только россиянами, либо скорее россиянами, нежели башкортостанцами. Это обстоятельство согласуется с данными этнополитологического опроса молодёжи в

марте 1997 г.³⁰, когда русские отдали большее предпочтение российскому гражданству, считая себя при этом гражданами Башкортостана. Вместе с тем, если у представителей татарской и башкирской молодёжи (1997 г.) доминировала гражданская самоидентификация с Башкортостаном, то недавно опрошенные студенты-татары и башкиры, как и остальные группы респондентов, продемонстрировали осознание себя в равной степени и башкортостанцами, и россиянами.

Исследование общественного мнения по данному вопросу в связи с возможностью принятия закона «О гражданстве республики Башкортостан» имеет особое значение. Впрочем, на наш взгляд, принятие указанного документа серьёзного резонанса не вызовет, хотя бы потому, что в нём нет тех радикальных положений, которые желали бы видеть представители башкирского национального движения, например, касающихся «требования об автоматическом предоставлении двойного гражданства этническим башкирам, проживающим за пределами Башкирии» или «поощрения их возвращения на историческую родину»³¹.

Волна процессов суверенизации в бывших автономных республиках вызвала появление серии проектов по обоснованию идеи национальной государственности, основным носителем которой объявлялась «республикообразующая нация». Наиболее ярко это проявилось в идеологии лидеров национальных движений Башкортостана. Однако, несмотря на активную деятельность в этом отношении радикальных лидеров БНЦ, концепция «республикообразующей» нации, под которой в завуалированной форме понималась реализация монопольного права титульной национальности на самоопределение, не нашла

весомой поддержки в башкортостанском обществе. По данным ранее проведённого исследования (1993 г.)³², идею «республикообразующей нации» одобрили 31,5 % городских башкир, но 43,9 % высказалось против. Среди русских и татар данную идею не поддержало 82,6 % и 71,5 % соответственно.

Результаты же опроса жителей г. Давлеканово, Давлекановского р-на в октябре 2001 г. показывают, что большинство опрошенных здесь не задумывается над вопросами межнациональных отношений и осуществляемой национальной политикой. В то же время 68,7 % русских, 55,0 % татар, 56,7 % башкир не одобряют того, чтобы башкиры были признаны единственной республикообразующей нацией. В целом же половина русских, почти треть татар и две трети башкир либо не считают, что признание башкир «коренным» народом (по терминологии лидеров национальных движений) и единственной республикообразующей нацией будет ущемлять права других национальностей РБ на аналогичное национальное самоуправление, либо затруднились ответить на этот вопрос. В то же время в студенческой среде доминируют иные взгляды по данной позиции. Преобладающая доля студентов русских и татар, в отличие, естественно, от башкир, не одобряют того, чтобы башкиры были признаны коренным народом и единственной республикообразующей нацией Башкортостана, и видят в этом ущемление прав своих и других национальностей.

Аналогичная картина различий во мнениях имеет место и в отношении ограничения права на въезд в РБ (безотносительно к национальной принадлежности). Так, респондентам был задан вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что правительству РБ по законодательству следует ограничивать

въезд на постоянное место жительства в республику лиц из других субъектов РФ?». Среди опрошенных жителей г. Давлеканово, Давлекановского р-на, сотрудников ЦЭИ УНЦ РАН половина татар, немногим более половины башкир и примерно две трети русских выразили своё несогласие по данному вопросу. В то же время больше половины студентов (60,5 % среди русских, 46,4 % студентов-татар, 66,7 % башкир) придерживались противоположной точки зрения. Вероятно, данное обстоятельство можно интерпретировать с точки зрения разных факторов. В частности, по результатам определения формирования психологических типов этнической толерантности/интолерантности, студенты должны были продемонстрировать большую интравертность, готовность к принятию ограничений на въезд в республику в силу меньшего распространения среди них типа активной толерантности. Кроме того, у части студентов-башкир, в большинстве своём одобряющих признание их народа единственной республикообразующей нацией, позиция на ограничение въезда в республику может быть сопряжена с чувством этнической замкнутости.

Тем не менее, как непосредственное проявление обоюдной этнической толерантности можно расценить тот факт, что абсолютное большинство всех респондентов, независимо от их национальности и социального статуса, видят будущее русских в том, чтобы они остались в республике, добиваясь права на сохранение своего языка и культуры (см. табл.1).

Приведённые здесь данные (подсчёт процентов произведён без деления респондентов на категории студентов и не студентов), по существу, отражают ту же тенденцию, которая выявилась по итогам исследования 1993 г.³³. Так, среди представителей всех национальностей весьма

незначительна доля лиц, демонстрирующих крайние взгляды при оценке будущего русских в РБ, т.е. тех, кто считает, что русские должны покинуть республику или, наоборот, проявить сопротивление вплоть до сецессии. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что сами русские весьма критично смотрят на так называемую адаптационную модель, предлагающую им изучить башкирский язык и освоить башкирскую культуру. Разумеется, среди татар и, особенно, башкир нашлось значительно больше (соответственно в 2,5 и 2,8 раза) сторонников развития ситуации по такому варианту. Данные исследования 1993 г., которые учитываются при анализе текущей ситуации, также говорят, что среди татар (башкирам этот вопрос не задавался) более чем в три раза выше³⁴, чем у русских, доля тех, кто связывает будущее русских в РБ с ориентацией на тесное сближение с башкирами. Предпочтительной оказалась модель равностатусного взаимодействия без проявления этнофобии в отношении титульной национальности и сецессионных устремлений. Скорее всего, корни этого явления надо искать в длительном совместном проживании русских с башкирами и ощущении первыми себя такими же коренными жителями республики.

Таким образом, в целом представляется возможным говорить о наличии достаточно заметной лояльности во взглядах по этнополитическим вопросам у опрошенных. В частности, это отражается в осознании нетитульным населением своей республиканской, башкортостанской, гражданской идентичности, в отсутствии стремления у представителей всех трёх национальностей делить друг друга на «коренных» и «некоренных», в ориентации на равностатусное взаимодействие между

собой. Вместе с тем, имеются основания отметить, по итогам опроса, некоторую интравертность (зафиксированную также при определении типов этнической толерантности/интолерантности) с оттенками этнического изоляционизма и радикализма представителей студенческой молодежи г. Уфы.

Таблица 1

Представления об этнополитической судьбе русского населения Башкортостана (по итогам опроса, 2001 г., в %)

Каким Вам видится будущее для русских, проживающих в РБ?	Национальность		
	Русские	Татары	Башкиры
Выехать за пределы Башкирии	5,6	–	4,2
Изучить башкирский язык, освоить культуру, чтобы стать для башкир своими	7,4	18,8	20,8
Остаться, добиваясь права на сохранение русского языка и культуры	75,9	60,4	70,8
Политически консолидироваться, чтобы вычлнить русскую территорию из состава РБ	7,4	6,2	–
Затрудняются ответить	3,7	14,6	4,2

Языковая среда и этническая толерантность

Многочисленные опросы, проводившиеся в 1990-е гг. в Башкортостане, фиксировали неоднозначную и довольно сложную ситуацию в проводимой языковой политике. Новый импульс напряженности в этой сфере дало принятие в феврале 1999 г. Госсобранием закона «О языках народов РБ», в статье 3 которого госу-

дарственными объявлялись только башкирский и русский языки. В то же время, как известно, башкироязычные граждане составляют всего лишь 16,5 % населения республики, тогда как русскоязычные – 45,0 %, татароязычные – 31,0 %, причём, согласно переписи населения 1989 г., 20,7 % башкир, проживающих в РБ, считают своим родным татарский язык³⁵. Данная статья закона вызвала противодействие, прежде всего, со стороны татарского национального движения. Протест же русскоязычной общественности катализировала статья 13 закона «О языках народов РБ». В ней содержится «требование сдачи квалификационных экзаменов на владение государственными языками для кандидатов на должность Президента РБ»³⁶, т.к., по последней переписи, лишь 0,2 % русских владеют башкирским языком, хотя 74,1 % башкир с родным башкирским языком достаточно свободно говорят по-русски. Таким образом, скоропалительное принятие данного закона накануне очередных президентских выборов в РБ высветило обострение противоречий между национальными движениями в республике (башкирским, с одной, татарским и русским – с другой стороны), хотя среди широких слоёв населения данное событие пока не повлияло на сохраняющуюся стабильность в межэтнических отношениях.

По данным нашего исследования, при ответе на вопрос: «Считаете ли Вы, что все лица, проживающие в РБ, независимо от национальности, должны свободно владеть башкирским языком?» в большинстве своём ни русские, ни татары, ни башкиры не поддержали того, что все граждане республики должны обязательно владеть языком титульного населения. В частности, девять из десяти опрошенных студентов (независимо от их этнической

принадлежности) оказались противниками подобного положения, хотя последних и среди остальных респондентов (в г. Давлеканово, Давлекановском р-не, ЦЭИ УНЦ РАН) нашлось немало – три четверти русских, по две трети из числа представителей татар и башкир. Тенденция, выявленная текущим опросом, имеет одно существенное отличие от итогов ранее проводившихся исследований, поскольку те фиксировали довольно высокую долю башкир, напротив, считающих обязательным знание башкирского языка представителями всех национальностей, проживающих в республике (1993 г. – 34,8 %, 1995 г. – 65,5 %)³⁷. Объяснение этого явления видится в особенности выборки респондентов, т.к. в местах проведённого нами обследования башкиры по большей части являются татароязычными.

Важным при осмыслении современной этноязыковой ситуации в республике является тот факт, что само по себе повсеместное внедрение башкирского языка, как показывают материалы неоднократных этносоциологических опросов, не находит поддержки у большинства населения³⁸. По-видимому, это объясняется самими методами (зачастую принудительными), с помощью которых осуществлялось введение башкирского языка в небашкироязычных школах: не учитывалось мнение детей и родителей, отсутствовал и сам закон о языках. Так, по результатам опроса 1995 г., 54,4 % русских и 55,2 % татар (в 1993 г. 63,6 % русских и 56,5 % татар) высказались о своём категорическом нежелании того, чтобы в школах республики башкирский язык был введён в качестве обязательного предмета. Ситуация усугубляется тем, что башкирский язык, ещё не имея статуса государственного, вводился в районах, где титульное население практически не проживает. В

частности, «в Белебеевском совхозе-техникуме, в некоторых детсадах и школах открыты группы и классы, в которых вместо родного языка даётся башкирский. В том числе в деревне Анновка, где половину населения составляют татары, а башкиры отсутствуют вовсе»³⁹. Кроме того, имели место и случаи массового перевода небашкироязычных школ на башкирский язык обучения (за период с 1978/79 учебного года до Февральского Пленума ЦК КПСС в 1988 г.) в западных и северо-западных районах республики, где население по своему составу преимущественно татарское и татароязычное.

В настоящее время по-прежнему весьма острым остаётся вопрос относительно придания статуса государственного татарскому языку в Башкортостане. Его сложность определяется не только особенностями этнического состава республики, но и особенностями расселения (башкиры составляют большинство только в 13 из 54 районов республики), функциональными возможностями, которыми обладает тот или иной язык в различных районах РБ. Этносоциологические исследования (1993 г., 1995 г, экспертный опрос этнополитической элиты в 1997 г.) показали, что в большинстве своём респонденты из числа всех трёх этнических групп придерживаются точки зрения, что в Башкортостане государственный статус следует предоставить не двум, а трём языкам⁴⁰.

Однако это не было учтено при принятии соответствующего закона, поэтому продолжает сохраняться множество противоречий по данному вопросу. В частности, как показал наш опрос, подавляющее большинство татар (девять из десяти опрошенных среди студентов) полностью одобряет или скорее одобряет придание статуса государственного татарскому язы-

ку, три пятых башкир и немногим более половины русских из жителей г. Давлеканово и Давлекановского р-на также разделяют это мнение. В то же время, например, русские студенты г. Уфы в массе своей относятся к этому отрицательно, как, впрочем, и к введению Министерством высшего образования башкирского языка в качестве обязательного предмета, что может быть объяснено безусловным доминированием русского языка в молодёжной среде. Высокая же степень поддержки башкирами данного предложения в 2001 г. может быть объяснена, во-первых, тем, что многие из них родились в смешанных татаро-башкирских семьях. А, во-вторых, немаловажное значение имеет то, что в местах, где проводилось обследование, проживают западные башкиры, язык которых гораздо ближе к татарскому, чем к созданному в 1920-е гг. литературному башкирскому, в основе которого лежат юрматынский и кувандыкский диалекты восточных и южных башкир⁴¹. Кроме того, существенная поддержка в отношении придания статуса государственного трём языкам определяется также и тем, что, как выявил наш опрос, 72,2 % русских, 87,5 % татар, 91,7 % башкир от числа всех респондентов безусловно допускают для себя использование всех форм двуязычия в различных сферах межэтнического общения.

В этом-то и заключается специфика Башкортостана, где население в силу высокой степени полиэтничности, многовекового смешанного, чересполосного расселения представителей разных национальностей в повседневной жизни активно использует различные формы дву- и даже трёхязычия: русско-татарское, русско-татарско-башкирское, русско-башкирское, русско-татарско-чувашское и т.д., что, безусловно, не может не свидетельство-

вать о наличии существенного потенциала языковой лояльности и межэтнической толерантности среди жителей республики.

Этнические маркеры и толерантность

Развитие конфликтной ситуации стимулирует актуализацию этничности и наоборот, причём часто в гипертрофированных формах. При изучении взаимозависимости этничности и толерантности нельзя не обратить внимание на тот факт, что проблема межэтнических отношений в г. Давлеканово и р-не, а также в республике в целом, не беспокоит или почти не беспокоит респондентов, особенно сельских жителей, что было установлено в ходе экспериментального пилотажного исследования. Почти четыре пятых русских, а также трое из пяти башкир и семеро из десяти опрошенных татар, как среди студентов, так и не студентов, поддержали эту идею. В этой связи интересно отметить, что в условиях достаточно благополучной обстановки, по оценкам самих опрошенных, в сфере межэтнических отношений значимость для более половины из них своей этнической принадлежности невелика, однако всё же неодинакова. Своего рода исключение здесь составляют русские студенты, для 71,1 % которых их этническая принадлежность оказалась, напротив, очень значимой. В то же время именно среди них (у 55,3 %) наиболее распространены пессимистические взгляды на межэтнические отношения. Таким образом, обнаруживается корреляция между уровнем тревожности в оценке ситуации в этой сфере и степенью актуализации этничности у русской молодежи.

Вместе с тем, рост этнического самосознания и, как будет показано ниже, распространение интолерантных установок в

отношении башкир в русской и татарской студенческой среде, прежде всего, детерминированы действиями, негласно осуществляемыми элитой республики, состоящей по преимуществу из башкир. Например, обязательным введением преподавания башкирского языка во всех школах (даже в тех районах, где башкиры фактически не проживают), приоритетом, который отдаётся башкирам при поступлении в вуз⁴², политикой «этнизации» властных структур, формированием их по «родовому» и «земляческому» принципам и т.д.⁴³.

Широкомасштабные этносоциологические исследования подтвердили распространение новых форм идентификаций. Наряду с этнической существуют и «политические, общественные, конфессиональные, профессиональные, клубные, земляческие и иные»⁴⁴ формы. Проведённый же опрос выявил, что для большинства опрошенных этничность определяется, прежде всего, самосознанием и языком, а также родителями, культурой и обычаями своего народа, религией. Разумеется, значимость того или иного идентификатора у русских, татар и башкир неодинакова. В частности, для башкир (как студентов, так и жителей г. Давлеканово и района) их этническая принадлежность определяется, в первую очередь, родителями и самосознанием, значимость языкового идентификатора в данном случае ниже (половина респондентов), чем у русских (три четверти из числа опрошенных) и татар (две трети), поскольку для каждого третьего респондента башкирский язык не является родным. Этничность же для русских и татар актуализована именно самосознанием и языком. Кроме того, для татар в большей степени характерно осознание своей этнической принадлежности через культуру, обычаи, традиции. В качестве же общих тенденций можно назвать то, что для лю-

дей верующих наиболее значимым компонентом в структуре своей идентичности является религия, а для родившихся в смешанных браках их этническая принадлежность определяется родителями, как правило, в наименьшей степени.

Проведённые в начале 1990-х гг. этносоциологические опросы показали, что национальность (этническая принадлежность) человека порой не совпадала с национальностью его родителей, причём «в городах Башкортостана более заметными у башкир и татар были расхождения с национальностью матери, чем отца»⁴⁵. В ходе пилотажного обследования выяснилось, что национальность респондентов (представителей всех этнических групп) также чаще совпадала с национальностью отца, нежели матери. В целом же отмеченная выше особенность доминировала скорее в этнически-смешанных, нежели в этногомогенных семьях.

Этническая принадлежность человека часто становится объектом проявления нетерпимости, насилия по отношению к нему извне. Тот факт, что большинство опрошенных практически не беспокоит ситуация в сфере межэтнического общения, сложившаяся в их населённом пункте, коррелирует с результатами ответов на задававшийся вопрос: «Сталкивались ли Вы с проявлениями чувства неприязни из-за Вашей этнической принадлежности: среди соседей; в рабочем коллективе; при общении с окружающими людьми на улице; в официальных учреждениях?». Полученные сведения говорят о довольно редких случаях проявления неприязни к респондентам из-за их национальности. Как правило, частота подобных эксцессов, в соответствии с приведёнными в опросном листе вариантами ответов, фиксируется в интервале «никогда – редко». В то же

время студенты, особенно русские, с такими трениями на этнической почве сталкиваются чаще. Видимо, поэтому среди них выше доля лиц, не отличающихся высокой готовностью к межэтническим контактам, (о чём уже упоминалось при анализе выделения типов формирования этнической толерантности и интолерантности), а также выше уровень тревожности в оценках межнациональных отношений. Тем не менее, для опрошенных в г. Давлеканово, Давлекановском р-не чаще подобные ситуации возникали при общении с окружающими на улице, в транспорте и т.д., а также в рабочем коллективе. Для респондентов ЦЭИ УНЦ РАН, кроме башкир, такими местами оказались официальные учреждения. У русских студентов на первом месте также оказались официальные учреждения, чего нельзя сказать о башкирах (как и студентам-татарам, с проявлениями неприязни им больше приходится встречаться среди соседей и при общении с окружающими людьми на улице). Видимо, перед нами своеобразный результат идущего процесса «коренизации» административных структур Башкортостана.

Таким образом, можно сказать, что основными критериями этничности по-прежнему продолжают оставаться самосознание, язык, конфессиональная принадлежность, а также особенности культуры (в пище, одежде и т.д.), при этом степень актуализации этничности, как представляется, выступает индикатором современного состояния межэтнических отношений в обществе. Так, чем больше для респондента значима его этническая принадлежность, тем тревожнее он оценивает ситуацию в сфере межэтнического взаимодействия. Однако вряд ли можно утверждать, что повышение этнического самосознания, акцентированность на своей этнично-

сти однозначно способствует нарастанию напряжённости, интолерантности в изучаемой нами сфере. Большинство респондентов, даже с высокой степенью осознания значимости своей этнической принадлежности, всё же достаточно позитивно смотрит на развитие межэтнических отношений, как в своём населённом пункте, так и в республике. Более того, исследования сектора социально-психологических проблем национальных отношений ИЭА РАН показывают, что «не вообще развитое национальное самосознание и в этом смысле рост его опасен для межэтнических отношений, для интолерантности, а гиперидентичность (“всё для нации, ничего против нации”))»⁴⁶, т.е. гипертрофированные, агрессивные формы этнического самосознания.

Фактор социальной Дистанции в межэтнических отношениях

Поскольку этническая толерантность, как правило, проявляется непосредственно в ходе межэтнических контактов, её уровень нередко зависит от степени интенсивности данных контактов и в каждом конкретном случае различен. В связи с этим, исследуя толерантность на межличностном уровне, а также при взаимодействии этнических групп, имеет смысл выделять ситуативную шкалу контактов⁴⁷. Для измерения установок респондентов на межэтническое общение в тех или иных ситуациях была использована модифицированная шкала социальной дистанции Э. Богардуса⁴⁸, а также была разработана специальная шкала для оценки готовности респондента контактировать с человеком другой национальности в системе проективных ситуаций, т.е. в качестве учителя, работника торговли, врача, журналиста, депутата, главы местной администрации,

президента РБ. В связи с абсолютным преобладанием среди опрошенных носителей активной и пассивной толерантности предполагается, что для респондентов характерна позитивная идентичность и, может быть, в некоторой степени, присущ этноцентризм (выраженное предпочтение в общении с представителями своей этнической группы). В ходе исследования выявилось, что, независимо от своей этнической принадлежности, студенты не только в когнитивной, но и конативной (поведенческой) сфере в большей степени избирательны в межэтнических контактах.

Распределение ответов по модифицированной шкале Богардуса показывает, что в целом социальная дистанция увеличивается в соответствии со следующей последовательностью: гражданин республики, житель своего населённого пункта, сосед, коллега по работе, начальник, супруг (супруга) детей, свой супруг (супруга). Эта же последовательность сохраняется и при сравнении социальной дистанции у респондентов с различными тенденциями формирования толерантности и интолерантности. Однако применительно к представителям той или иной национальности в ряде случаев имеют место некоторые отличия. Так, для сельских жителей (в частности, это явно прослеживается на примере татар Давлекановского р-на) отношения с соседом по своей значимости следуют сразу же после супружества. Студенты-русские в отношениях с татарами меньше всего готовы принять последних в качестве своего начальника (практически каждый второй проявил дистанцированность в данной сфере контактов).

Тем не менее, анализируя проявления толерантности в треугольнике взаимодействий русских, татар и башкир, можно сделать вывод о том, что и у русских, и у татарских студентов уровень социальной

дистанции во всех сферах межэтнических контактов выше в отношении башкир (например, 84,2 % студентов-русских высказали неготовность принять в качестве своего супруга (супруги) башкира, в отношении татар подобную позицию заняло вдвое меньшее число респондентов; среди студентов-татар 39,2 % было против, чтобы их супругом (супругой) стал башкир, тогда как против русских – 17,8 %). Среди опрошенных в г. Давлеканово, Давлекановском р-не, ЦЭИ УНЦ РАН на степень проявления дистанцированности в общении оказывает влияние фактор образованности респондента: люди со средним и средне специальным образованием более консервативны в контактах с представителями других национальностей, чем лица с высшим образованием. Высокую степень готовности к межэтническому взаимодействию в предложенных ситуациях проявили люди, родившиеся в смешанных браках. Говоря же о самих результатах, полученных при опросе жителей г. Давлеканово, Давлекановского р-на и сотрудников ЦЭИ УНЦ РАН, можно сделать вывод, что выраженность социальной дистанции здесь заметно ниже, чем в студенческой среде. Имеет смысл отметить, что русские данной категории респондентов не делали предпочтения, с кем в той или иной ситуации они больше готовы контактировать – с татаринцом или башкиром. В то же время татары и башкиры в сфере супружества выразили готовность к взаимодействию скорее между собой, чем с русскими. Наблюдаемая частота заключения смешанных татаро-башкирских браков в регионе это подтверждает.

Таким образом, социальная дистанция, по шкале Богардуса, ярче всего оказалась выраженной в сфере неформальных отношений, а также во взаимодействии по схеме «начальник – подчинённый».

Как уже говорилось, для определения установок респондентов на межэтническое взаимодействие была использована и другая шкала. В ответах респондентов среди жителей г. Давлеканово, Давлекановского р-на и сотрудников ЦЭИ УНЦ РАН социальная дистанция наиболее выражена в контактах с представителями органов власти. Дистанция возрастает по мере готовности принять человека другой национальности в качестве депутата, главы местной администрации, президента РБ. Наиболее ярким примером является то, что 18,8 % русских не готовы к тому, чтобы президентом Башкортостана был татарин, 25,0 % татар и треть опрошенных башкир не желали, чтобы этот пост занимал русский. Таким образом, в массе своей интервьюируемые считают, что президентом республики должен быть представитель титульной национальности. В других сферах контактов, по данной шкале, дистанция среди рассматриваемой категории опрошенных оказалась невыраженной.

Общий уровень проявления социальной дистанции, следовательно, интолерантности, в студенческой среде заметно выше, хотя при рассмотрении соответствующих распределений для каждой из национальностей присутствуют свои различия. В частности, студенты-русские демонстрируют меньшую дистанцию в отношениях с татарами и башкирами, принимая последних в качестве работника торговли (лишь 7,9 % русских не готовы видеть в этом качестве татарина, каждый десятый – башкира), здравоохранения, учителя своих детей, наибольшую же – рассматривая последних как представителей органов власти (47,4 % не готовы принять в качестве президента РБ татарина, 55,3 % не готовы принять в качестве главы местной администрации башкира).

Четверть студентов-татар и почти столько же башкир также меньше всего готовы видеть русского в роли главы своей местной администрации или на посту президента республики. Обращает на себя внимание тот факт, что татары в отношении башкир наибольшую дистанцию (35,7 % опрошенных) проявляют, принимая последних в качестве учителей своих детей. Думается, это, скорее всего, реакция на всемерное, зачастую фактически насильственное, внедрение башкирского языка в учебный процесс. Другой особенностью полученного распределения явилось заметное среди студентов-русских и татар число тех, кто не готов принять башкира в качестве представителя СМИ. Объяснение данного феномена можно искать в многократном увеличении роста объёма вещания на башкирском языке в ГТРК «Башкортостан», наличии «чёткой тенденции вытеснения общероссийских передач, замены их башкирскими национальными программами»⁴⁹.

На основе полученных результатов по измерению установок респондентов на межэтнические контакты в конкретных ситуациях посредством двух шкал социальной дистанции можно сделать вывод о том, что характер межэтнического взаимодействия русских, татар и башкир неоднозначен. В Давлеканово, Давлекановском р-не, ЦЭИ УНЦ РАН респонденты, принадлежащие к любой из рассматриваемых здесь этнических групп, во многих случаях в равной степени сближают или дистанцируют себя в отношении представителей той или иной национальности. Только в сфере семейно-брачных отношений татары и башкиры, в силу своей культурной и языковой близости, больше готовы контактировать друг с другом, нежели с русскими. Кроме того, сельские жители (особенно в преимущественно одно-

национальных населённых пунктах) также сдержанны и в отношении того, чтобы их соседом был человек другой национальности (причём татары в большей степени готовы своим соседом видеть башкира, чем русского, а башкиры – татарина). Таким образом, сказанное ещё раз подтверждает выводы, сделанные в своё время Ю.В. Арутюняном, что отношение к контактам с людьми иной национальности в целом более благожелательным оказывается в сфере трудовой деятельности, а вот в семейно-ролевых и бытовых формах поведения различия между представителями разных национальностей сохраняются или даже возрастают, поскольку «в отношении к родственным связям с представителями другой национальности чаще играют роль устаревшие традиции и обычаи»⁵⁰.

В студенческой же среде существующая этносоциальная дистанция оказалась гораздо более ощутимой и, соответственно, ниже уровень этнической толерантности. Как свидетельствуют результаты исследования, студенты-татары в большей степени идентифицируют себя с русскими, а не с башкирами. Русские также больше отождествляют себя с татарами, с другой стороны, башкиры идентифицируют себя практически в равной степени, как с татарами, так и с русскими. Важным при этом является вывод, справедливый для обеих категорий респондентов, что у тех, кто рождён в смешанных браках, уровень демонстрируемой дистанции в отношениях ниже (кстати, большинство потомков межэтнических браков принадлежат к типу активной толерантности). Практически аналогичную ситуацию, как будет показано ниже, дало обследование по выявлению стереотипов. Довольно высокая избирательность в общении среди студентов по сравнению с той, что имеет место среди опрошенных в г. Давлеканово, Давле-

кановском р-не, ЦЭИ УНЦ РАН, в какой-то степени подтверждает нашу гипотезу, согласно которой лица, относимые к типу пассивной толерантности, не говоря уже о представителях интолерантного типа, проявляют большую дистанцию в межэтническом общении, чем те, кто отнесён к типу активной толерантности. Однако, если анализировать ситуацию внутри каждой из рассматриваемых групп, то наше утверждение становится непоказательным. Следовательно, предложенная в настоящей работе экспериментальная методика определения типов формирования этнической толерантности и интолерантности требует доработки. Вместе с тем, полученные результаты позволяют говорить о том, что уровень проявления этнической толерантности в каждом конкретном случае может быть различен.

Общение через стереотипизацию

Анализ бытующих в среде опрашиваемых этнических стереотипов обнаружил высокую степень корреляции с соответствующими распределениями уровня социальной дистанции. Респондентам было предложено назвать по три наиболее характерных качества, которые, по их мнению, присущи русским, татарам, башкирам. Это исключало проблему «навязывания» респондентам качеств, заранее отобранных исследователем. Наиболее часто повторяемые респондентами качества считались стереотипными для той или иной этнической группы. В целях определения степени и форм бытования толерантности в межэтнических отношениях анализ авто- и гетеростереотипов был проведён через сравнение показателей понимания и близости.

В этносоциологической и этнопсихологической литературе принято рассматривать автостереотип «как образ собственной этнической группы именно в контексте межэтнических отношений, т.е. как образ для других», гетеростереотип – как «образ другой этнической группы, построенный в соответствии с ожиданиями, связанными с этой группой». Совпадение содержания этнических стереотипов исследовалось на основе разработанных этнопсихологами (в частности, Г.У. Солдатовой) показателей понимания (сравнение автостереотипа одной этнической группы с гетеростереотипом другой этнической группы об этой группе, степень совпадения данных стереотипов составляет искомым показатель) и близости (сравнение автостереотипа данной этнической группы и её же гетеростереотипа о представителях другой этнической группы, число совпадений является показателем близости)⁵¹. При этом важно отдавать себе отчёт, что изучение этнических стереотипов, по существу, приписывание каких-либо качеств тому или иному народу, является важным инструментом исследования межэтнических отношений. Однако, при всем том, что стереотипы могут отражать более или менее реальную картину, их отнюдь не следует воспринимать как данность, неотъемлемую характеристику того или иного народа.

Обследование в г. Давлеканово, Давлекановском р-не и ЦЭИ УНЦ РАН продемонстрировало относительно устойчивую позитивность существующих стереотипов, причём важно отметить позитивность не только авто-, но и гетеростереотипов. В качестве заслуживающих внимания особенностей можно выделить то, что русские татар считают более хитрыми в смысле предприимчивости, деловой ак-

тивности, башкиры – простыми, доверчивыми, татары и башкиры упоминали доброту и простоту русских, татары башкиры характеризовали гостеприимными, добрыми, но упрямыми, а в свою очередь башкиры татар – трудолюбивыми, гостеприимными и жадноватыми. Здесь, однако, непременно следует сделать оговорку: приведённые этнические стереотипы относятся только к группе опрошенных и не могут быть отнесены ко всему населению в целом. Сопоставление содержания стереотипов с целью определения вышеупомянутых показателей понимания и близости показало, что для рассматриваемой категории опрошенных отличительными чертами являются следующие: татары и башкиры лучше понимают русских (измерено по показателю понимания), чем те их; татары демонстрируют большую близость к башкирам, чем к русским (измерено по показателю близости).

Характер господствующих стереотипов у студенческой молодёжи иной по сравнению с только что рассмотренным. Имеет место позитивность автостереотипов при нередком проявлении негативизма в гетеростереотипах. Наибольшую негативность в своих гетеростереотипах, этническую интолерантность в данном исследовании продемонстрировали русские студенты. Так, они характеризовали татар гостеприимными, умными, но хитрыми и злыми, башкиры – жадными, злыми, хитрыми и глупыми. Среди характеристик студентов-татар в отношении русских в целом преобладали позитивные, однако в отношении башкиры также доминировали нелестные качества: жадность, вредность, глупость, хотя и отмечалась их гостеприимность. Гетеростереотипы студентов-башкиры в отношении русских и татар, на-

против, оказались достаточно благоприятными. Здесь можно добавить, что для категории студентов была зафиксирована высокая степень интолерантности к определённым национальностям, даже если респондент был отнесён к типу активной толерантности. Наиболее выраженным данное предубеждение оказалось в отношении «лиц кавказской национальности» (в терминологии опрашиваемых), а также, что показательно для данного исследования, в отношении башкиры. Следует напомнить, что выявленные тенденции в формировании этнических стереотипов и их содержание относятся строго к данной категории респондентов и не могут являться «свободными приписываниями».

Анализ же при помощи показателей понимания и близости обнаруживает картину предпочтений в межэтническом взаимодействии, аналогичную той, что получалась при измерении социальной дистанции. Основное расхождение в установках и стереотипах на межэтническое общение присутствует между русскими и татарами, с одной стороны, и башкирами – с другой, причём в данном случае подобная дистанция имеет односторонний характер. Студенты-татары и по своим стереотипам в большей степени связывают себя с русскими, а не с башкирами. Русские также скорее склонны отождествлять себя с татарами, напротив, башкиры идентифицируют себя практически в равной степени, как с татарами, так и с русскими. Таким образом, встаёт вопрос о причинах существования выраженной эносоциальной дистанции и бытования негативных стереотипов, интолерантных установок на межэтническое взаимодействие в молодёжной среде г. Уфы.

**Возможные модели
этнической толерантности /
интолерантности**

Исследования ИЭА РАН проблем этнонационального самосознания и межэтнических отношений, а также результаты проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации»⁵² показывают, что рост этнического самосознания не обязательно способствует повышению интолерантности, скорее само «развитие конфликтной ситуации стимулирует гиперидентичность и этническую непримиримость»⁵³. Сделанный вывод можно проиллюстрировать данными репрезентативного опроса 1994 г. в РТ, проведённого сектором социально-психологических проблем национальных отношений ИЭА РАН. Так, в условиях массового подъёма этнического самосознания свыше 40 % татар считало, что Татарстан должен иметь суверенитет в составе РФ, а 38 %, что суверенная республика должна иметь право на выход, тем не менее, больше 70 % татар и русских оценивали межэтнические отношения как спокойные и при этом не испытывали ущемления своих прав из-за национальности⁵⁴. Другой пример свидетельствует, что нарастание межэтнической напряжённости в Нагорном Карабахе фиксировалось «по повышенной доле негативных установок армян в отношении азербайджанцев ещё в 1970-е гг.»⁵⁵, однако мобилизация этнического фактора проявилась во второй половине 1980-х гг.

Поэтому можно допустить, что распространение негативных стереотипов, установок на межэтническое взаимодействие в конкретных ситуациях, а также меньшая доля лиц активно-толерантного типа (высокая готовность к обоюдным межэтническим контактам) и большее число пред-

ставителей типа с тенденцией формирования этнической интолерантности в молодёжной среде, чем среди респондентов в г. Давлеканово и т.д., особенно среди русских и татар, как показали данные пилотажного опроса, во многом обусловлено причинами социально-политического характера. Выше отмечалось, что руководство республики в своих реальных действиях далеко от принципа нейтрального подхода по отношению ко всем этническим группам. Поэтому вероятно, что на формирование интолерантных установок в отношении лиц титульной национальности особенно влияет то, что приоритетное положение последних ограничивает доступ молодёжи нетитульной национальности к высшему образованию, препятствуя, таким образом, развитию её самовыражения в обществе, что, безусловно, создаёт потенциал возможной конфликтности.

Высказанное предположение частично совпадает с результатами этносоциологического опроса 1993 г., а также проведённого в марте 1997 г. этнополитологического опроса молодёжи г. Уфы в рамках проекта «Этнополитические представления молодёжи: формирование и функционирование». Тогда было установлено, что «молодые респонденты, независимо от национальной принадлежности, твёрдо убеждены, что в Башкортостане башкирская молодёжь имеет преимущества при поступлении в ВУЗы по сравнению с абитуриентами других национальностей»⁵⁶. Так, по данным указанного этнополитологического опроса, 60,7 % татар, 62,6 % русских считало, что башкирам в отношении получения высшего образования созданы преимущества, что, впрочем, подтверждается и статистикой⁵⁷. Кроме того, немаловажное влияние на уровень этнической толерантности оказывает существ-

вующая этносоциальная и этнополитическая стратификация (более половины и русских, и татар, по данным обследования 2001 г., считают, что лица их национальности представлены недостаточно в органах власти РБ).

С другой стороны, длительный опыт совместного проживания, развитие двустороннего двуязычия, культурного взаимодействия, распространение межэтнических браков обуславливают надёжную степень толерантности в общении. Данный вывод подтверждается исследованием в г. Давлеканово и Давлекановском районе. Тем более, что жители трудоспособного возраста, работающие на предприятиях г. Давлеканово, независимо от национальности, который год не получают зарплату...

Тем не менее, на основе данных проведенного опроса, можно отметить, что и студенческая молодёжь в целом одобряет этнически-смешанные браки, хотя для неё свойственно проявление избирательного подхода (одобрение браков только с некоторыми национальностями). Считающие, что подобные браки нежелательны, аргументируют свою позицию тем, что в таком случае более сложны контакты с родственниками, сказываются различия в языке, религии, обычаях.

Таким образом, при всей неоднозначности обстановки, с точки зрения формирования толерантности в межэтническом взаимодействии в Башкортостане, у населения доминирует скорее позитивный взгляд на развитие ситуации в этой сфере. Показательным является то, что в большинстве своём респонденты при ответе на соответствующие вопросы об оценке ситуации в межэтническом общении русских и башкир, татар и башкир характеризовали данные взаимоотношения как «вполне благополучные» или как «в целом благополучные, хотя и присутствуют некото-

рые случаи обострения». Впрочем, взгляды на будущее у опрошенных оказались различны. Чем значимее для респондента чувство его этнической принадлежности, тем тревожнее он оценивает перспективу развития данных контактов.

* * *

Завершая анализ, есть основания утверждать, что, при всей противоречивости ситуации в отношениях между русскими, татарами и башкирами, в Башкортостане пока сохраняется достаточно высокая потенциальная вероятность сдерживания межэтнических противоречий. Не случайно, что при ответе на соответствующий вопрос анкеты большинство среди всех групп респондентов выразило категорическое неодобрение применения силовых способов разрешения данных противоречий, что само по себе символично и служит манифестацией высокой степени избегания любых возможных форм проявления насилия.

Впрочем, указывая на довольно высокий уровень толерантности в межличностном взаимодействии среди респондентов, следует подчеркнуть, что в молодёжной студенческой среде ситуация не так проста. Безусловно, этническая толерантность во многом определяется длительностью совместного проживания, развитием многообразных форм межкультурного взаимодействия, поскольку она, по своему значению, и должна прежде всего формироваться в культуре. Реальными формами проявления толерантности в рассмотренных взаимоотношениях можно считать межэтнические браки, распространение двуязычия, в ряде случаев двойное самосознание, черты культурного взаимопроникновения (в распространении нацио-

нальных блюд, в отмечаемых праздниках, гостеприимстве и т.д.).

Однако, хотя данное исследование и было посвящено анализу толерантности в межэтническом взаимодействии, подчеркнём, что на данный момент в этой сфере в республике присутствует определённый конфликтогенный потенциал. Опрос, проведённый в студенческой среде г. Уфы, подтверждает это. Представляется, что в Башкортостане существует ряд факторов преимущественно этнополитического характера, способствующий развитию интолерантности в межэтническом общении, при этом нет необходимости прямолинейно связывать рост проявлений интолерантности у респондентов с повышением значимости для них своей этничности.

Языковой фактор, как известно, проявляется в нерешённости вопроса о статусе государственных языков в РБ, в повсеместном внедрении башкирского языка без учёта специфики этнического состава республики, в существовании так называемой «проблемы северо-западных башкир», которая, по сути, искусственно разделяет башкирский этнос и способствует обострению татаро-башкирских противоречий. Второй конфликтогенный фактор, заключается в некоторых тенденциях в этносоциальной стратификации: приоритет, отдаваемый при приёме в вузы лицам титульной национальности, вытеснение с административных должностей небашкир и т.д. Третья опасность развития интолерантных настроений видится в весьма существенной «башкиризации» политической элиты, развитии клановых и территориально-земляческих связей. Ещё один

фактор, оказывающий негативное влияние на межэтническое взаимодействие, состоит в незнании культур и своего, и проживающих рядом других народов, что выявилось при опросе молодёжи. Манкуртизм порождает этническую интолерантность, изоляционизм, стремление искать причины своих экономических и социальных неудач в других этносах, поэтому необходима «мультикультурная стратегия образования»⁵⁸, направленная на расширение знания о других народах и иных культурах. Комбинация перечисленных факторов, к сожалению, может нарушить веками и десятилетиями складывавшийся баланс терпимости, взаимопонимания и корректности в межэтнических отношениях в Башкортостане.

Тем не менее, пока нет возможности утверждать, что толерантность – это явление либо исключительно ситуативное, либо, напротив, обусловлено происходящими в жизни общества закономерностями. Безусловно, на формирование толерантности оказывают воздействие и психологические особенности личности, и имеющие место социально-экономические, этнокультурные, этнополитические явления, что и было показано выше. Вместе с тем, уровень проявления толерантности весьма существенно различается в зависимости от ситуации, от степени интенсивности контактов, что отражается в исследованиях с привлечением шкал социальной дистанции. Всё это говорит о сложности изучения феномена толерантности в межэтнических отношениях и требует дополнительных исследований, особенно в сложных в этнокультурном отношении регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Галлямов Р.Р.* Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996. – С. 21-27.
2. См. подробнее: *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Документ № 150. – М., 2002. – С. 22-26.
3. Было опрошено 126 чел. в разных возрастных (в диапазоне от 18 до 63 лет) и социально-профессиональных группах в гг. Уфе, Давлеканово, с. Бик-Кармалы и д. Соколовке Давлекановского р-на. В частности, респондентами стали рабочие и служащие ДАРЗ, учителя гимназии № 5 г. Давлеканово, сельские жители, сотрудники Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (ЦЭИ УНЦ РАН), а также были опрошены две группы студентов II-го курса юридического ф-та СГУ и V-го курса экономического ф-та БГАУ г. Уфы общей численностью 75 чел.
4. См. подробнее: *Губогло М.Н.* Башкортостан: Штрихи к этнополитическому портрету // Язык и национализм в постсоветских республиках / По материалам международного симпозиума 5-6 марта 1994 г. – Чикаго; М., 1994.
5. См. например: *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан: Параллели этнополитического развития / Очерк I: Плоды суверенизации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Документ № 77. – М., 1994.; его же: Башкортостан и Татарстан: Параллели этнополитического развития / Очерк II: Ростки демократизации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Документ № 78. – М., 1994.; его же: Башкортостан и Татарстан: Параллели этнополитического развития / Очерк III: Урожай дезинтеграции // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Документ № 79. – М., 1994.; его же: Башкортостан и Татарстан: Параллели этнополитического развития / Очерк IV: Выходы реинтеграции // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Документ № 80. – М., 1994.
6. *Лебедева Н.М.* Социально-психологический аспект межэтнических отношений // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М., 1994. – С. 91.
7. *Дробижева Л.М.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М., 1994. – С. 34-35; см. также: *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М., 1999. – С. 177-179.
8. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. – М., 1996. – С. 330-340.
9. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1998. – С. 298; её же: Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. – М., 1997.
10. *Тишков В.А.* О толерантности // Толерантность и согласие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1997. – С. 21.
11. *Дробижева Л.М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1997. – С. 63.
12. *Лара У.* Злоключения слов-изгоев // Личность и мир / Выпуск 10. Солидарность и толерантность против насилия. – М., 2001. – С. 55.
13. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 1209.
14. Этнологический словарь / Вып. 1: Этнос. Нация. Общество / Отв. редакторы В.И. Козлов, В.Г. Рябков. – М., 1996. – С. 149.
15. Краткий психологический словарь. – М., 1985. – С. 156.
16. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию... – С. 298.
17. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология... – С. 207; *Дробижева Л.М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие... – С. 62-63.
18. *Тишков В.А.* О толерантности // Толерантность и согласие... – С. 19.
19. *Чичановский А.А.* Толерантность в условиях постсоветского информационного пространства // Толерантность и согласие... – С. 248.
20. Этнологический словарь... – С. 149.
21. Там же. – С. 53.
22. Большой энциклопедический словарь... – С. 453.
23. *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация... – С. 34.
24. Там же. – С. 34.
25. Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Уфа, 1990.
26. *Ганеева А.Р.* Проблема этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии: состояние изученности // Этнос и его подразделения. – М., 1992. – Ч. 2. – С. 65.
27. Имеются ввиду массовые этносоциологические опросы по проектам: «Язык, национальность и бывший Советский Союз» в апреле 1993 г. и «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» в августе 1995 г., авторы – Д. Хафф, Д. Лейтин, С. Лейманн, руководители исследований в РБ – М.Н. Губогло, Р.Г. Кузеев; Этнополитологический опрос по проекту «Предвыборная и поствыборная ситуация в России» в ноябре-декабре 1993 г., авторы – Д. Хафф, Т. Колтон, С. Лейманн, руководитель – М.Н. Губогло; Этнополитологический опрос молодёжи Башкортостана, проведённый под руководством Ф.Г. Сафина в марте 1997 г. по исследовательскому проекту «Этнополитические пред-

- ставления молодёжи: формирование и функционирование».
28. Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан... Очерк III... – С. 25.
 29. Из хроники этнической мобилизации: Республика Башкортостан / Автор-сост. Ф.Г. Сафин / Отв. ред. М.Н. Губогло. – М., 1999. – Том 1. – С. 39-40.
 30. Там же. – С. 40-41.
 31. Габдрафиков И.М. Этнические и общегражданские аспекты национальной политики в республиках современной России: по материалам Республики Башкортостан // Этнопанорама. – 2001. – № 3. – С. 22.
 32. Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан... Очерк III... – С. 7-8.
 33. Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан... Очерк IV... – С. 23.
 34. Там же. – С. 22.
 35. Национальный состав населения Башкирской АССР... – С. 55.
 36. Габдрафиков И.М. Этнические и общегражданские аспекты национальной политики в республиках современной России... – С. 22-24.
 37. Из хроники этнической мобилизации... – С. 64.
 38. Там же. – С. 59-70.
 39. Идель-Урал. – 1994. – Декабрь. – № 23-24.
 40. Сафин Ф.Г. Динамика этноязыковой ситуации в Башкортостане: к постановке проблемы государственных языков // Взаимодействие культур народов Урала. – Уфа, 1999. – С. 145-170. Подробнее об этом см.: Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане. – М., 2000.
 41. Галлямов Р.Р. Постперестроечная эволюция политических элит российских республик: этнический аспект // Этнопанорама. – 2000. – № 1. – С. 20-27.
 42. Из хроники этнической мобилизации... – С. 32-33.
 43. Галлямов Р.Р. Постперестроечная эволюция политических элит российских республик: этнический аспект... – С. 22-24.
 44. Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан... Очерк III... – С. 24.
 45. Там же. – С. 24.
 46. Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости... – С. 66.
 47. Юраков А.В. Подходы к анализу уровня толерантности в межэтническом (межкультурном) взаимодействии // IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов / Нальчик. 20-23 сентября 2001. – М., 2001. – С. 114.
 48. Bogardus E.S. Stereotypes Versus Sociotypes // Sociological and Social Research. – 1950. – № 34. – P. 286-291.
 49. Грушкин Д.В. Башкирия в «параде суверенитетов»: Эволюция представлений этнополитических элит о национальной государственности. – М., 2000. – С. 151.
 50. Социальное и национальное: по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. – М., 1972. – С. 281.
 51. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг.... – С. 317-319.
 52. Данный проект осуществлялся сектором социально-психологических проблем национальных отношений ИЭА РАН совместно с учёными из республик Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Тыва в 1993-1996 гг. Руководитель проекта – Л.М. Дробижева.
 53. Солдатова Г.У. Психологическое исследование этнической идентичности в условиях межэтнической напряжённости // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг.... – С. 61-68.
 54. Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости... – С. 65.
 55. Там же. – С. 66.
 56. Из хроники этнической мобилизации... – С. 31.
 57. Там же. – С. 32-34.
 58. Палаткина Г.В. Межнациональная и межконфессиональная толерантность как основа мультикультурного образования полиэтнического региона // Этнопанорама. – 2001. – № 3. – С. 94-97.